

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

П. А. Ореховский¹

Институт экономики РАН (Москва, Россия)

УДК: 330.88

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-3

НОВАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ: ОТ «ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ» К «ГОСУДАРСТВУ СОЦИАЛЬНОГО АПАРТЕИДА»

Переход к экономической политике высоких налогов, больших государственных расходов, связанных со строительством инфраструктуры и осуществлением социальных программ, означает построение «государства благосостояния». Внедрение достижений научно-технической революции наряду с экзогенными шоками 1970-х гг. (энергетическим кризисом и распадом Бреттон-Вудской системы) привело к экономическому краху государства благосостояния. В большинстве богатых стран произошёл переход к неолиберализму, который сопровождался фрагментацией и сокращением удельного веса среднего класса. Эти процессы привели к замене устойчивого демократического большинства на ситуационные коалиции меньшинств, которые образуются по наиболее важным политическим вопросам. Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. интерпретируется многими экономистами как крах экономической политики неолиберализма. Однако, в отличие от кризиса 1970-х гг., вызвавшего отказ от государства благосостояния, и кризиса 1989–1992 гг., вызвавшего отказ от марксизма в большинстве бывших социалистических стран, отказа от неолиберализма не произошло. Критика неолиберализма стала респектабельной, власти перестали использовать прежнюю риторику, однако в экономической политике большинства стран внешне все остается по-прежнему. Вместе с тем целый ряд феноменов в современной экономике заставляет предположить, что многое меняется, однако экономисты не могут этого заметить в силу эффекта «слепого пятна». В XXI в. разворачиваются процессы сегрегации. Расизм, основанный на биологических признаках, считается аморальным. Однако практики социального расизма, которые ведут к резкому замедлению как вертикальной, так и горизонтальной мобильности, заодно ускоряя процессы социальной дифференциации общества, негласно одобряются многими социальными группами. Новая политическая экономия — дисциплина, которая позволяет охарактеризовать и проанализировать эти процессы. Практики социальной сегрегации становятся все шире, но в экономическом мейнстриме, как и в официальном политическом дискурсе, их не существует.

¹ Ореховский Петр Александрович — д.э.н., профессор, г.н.с., зав. сектором Философии и методологии экономической науки, Институт экономики РАН; e-mail: orekhovskypa@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2816-1298.

© Ореховский Петр Александрович, 2025



Ключевые слова: научно-техническая революция, государство диктатуры пролетариата, государство благосостояния, неолиберализм, социальный расизм, политико-экономические дискурсы, новая политэкономия.

Цитировать статью: Ореховский, П. А. (2025). Новая политэкономия: от «государства благосостояния» к «государству социального апартеида». *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 28—44. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-3>.

P. A. Orekhovskiy

Institute of economics of RAS (Moscow, Russia)

JEL: B41, H00, H40

NEW POLITICAL ECONOMY: FROM THE “WELFARE STATE” TO THE “SOCIAL APARTHEID STATE”

The transition to an economic policy of high taxes, large government expenditures related to developing infrastructure and implementing social programs means the construction of a “welfare state”. Tax cuts, market liberalization, and the privatization of part of the public sector are usually associated with the neoliberal state. Achievements of scientific and technological revolution, together with exogenous shocks of the 1970s (energy crisis and the collapse of the Bretton Woods system), led to the economic collapse of the welfare state. Most rich countries have undergone a transition to neoliberalism, accompanied by fragmentation and reduction in the share of the middle class. These processes have led to the replacement of stable democratic majorities with situational coalitions of minorities formed on most important political issues. The global 2008–2009 financial crisis is interpreted by many economists as a collapse of neoliberal economic policy. However, unlike the crisis of the 1970s, which led to the rejection of the welfare state, and the crisis of 1989–1992, which led to the rejection of Marxism in most former socialist countries, neoliberalism has not been rejected. Criticism of neoliberalism has become respectable, the authorities have stopped using the old rhetoric, but in the economic policy of most countries everything remains outwardly the same. At the same time, a number of phenomena in the modern economy suggest that much is changing, but economists cannot notice it due to the “blind spot” effect. Segregation processes are unfolding in the 21st century. Racism based on biological characteristics is considered immoral. However, the practices of social racism, which lead to a sharp slowdown in both vertical and horizontal mobility, while accelerating the processes of social differentiation of society, are tacitly approved by many social groups. New political economy is a discipline that allows us to characterize and analyze these processes. The practices of social segregation are becoming more widespread, but they do not exist in the economic mainstream, as well as in the official political discourse.

Keywords: scientific and technological revolution, welfare state, dictatorship of the proletariat, neoliberalism, social racism, political and economic discourses, new political economy.

Государство в классической политической экономии и в теории общественного выбора

В классической школе политической экономии государство рассматривается как отдельный субъект, ведущий хозяйственную деятельность, вступающий в обмен и различные финансовые операции (займы, кредиты, сбор налогов) с другими субъектами. Идеи экономического либерализма, восходящие к А. Смиту, отводят государству роль защитника собственности и правил свободной торговли. Торговля должна была обогащать третье сословие, которое в то время отождествлялось с «народом». Богатство государства, таким образом, представляло собой простой агрегат индивидуальных богатств своих подданных.

В этой простой, внешне нейтральной схеме был заложен политический подтекст — врагом свободной торговли оказывалась знать, которая пользовалась различными привилегиями. Лишение дворян привилегий приравнивало их к третьему сословию. Соответственно, борьба за отмену «Хлебных законов», защищавших владельцев земли от падения ренты, как и требования снижения акцизов на отдельные группы товаров, имели очевидный политический смысл.

К. Маркс, с одной стороны, продолжил классическую традицию политико-экономического анализа, рассматривая государство как инструмент в руках буржуазии. Свобода торговли и защита прав собственности (частной) являлись необходимыми условиями развития капитализма. С другой стороны, марксово учение о социальной революции, в рамках которой возникнет «государство диктатуры пролетариата» и произойдет переход к общественной собственности, выглядело разрывом с классической традицией. Так, если государство — *субъект*, обладающий собственной волей, пусть и связанной с интересами господствующего класса, то как же может произойти его замена на другой *субъект*, который не существует? Если же это «инструмент», «машина», «организация», т.е. *объект*, то зачем нужна «диктатура пролетариата»? Получения большинства голосов на демократических выборах достаточно, чтобы «инструмент» теперь действовал в интересах нового класса. Зачем нужны вооруженное восстание и революционная ломка государства?

По-видимому, стоит оговориться, что демагогическое утверждение об имуществе пролетариата, состоящего из его цепей, уже в XIX в. для западных стран не соответствовало действительности. Скажем, А. Маршалл указывает следующий список «насуточных жизненных средств», необхо-

димых британскому неквалифицированному рабочему для того, чтобы его труд был производительным: «...они включают имеющий современную канализацию дом из нескольких комнат, теплую одежду, какое-то количество смен нижнего белья, чистую воду, хлебопродукты в достатке, умеренное количество мяса и молока, немного чая и т.д., небольшое образование и кое-какие развлечения и, наконец, для жены рабочего — достаточно свободного от другой работы времени, чтобы она могла надлежащим образом выполнять свои материнские и домашние обязанности. Если в том или ином районе неквалифицированных рабочих лишают какого-либо из этих элементов, производительность их труда снижается так же, как производительность лошади, за которой нет должного ухода, или паровой машины, в топку которой подают недостаточно угля. Всякое потребление вплоть до этого предела является подлинно производительным потреблением...» (Маршалл, 1993. Т. 1. Гл. 3. § 4).

К. Маркс продолжил и радикализировал положение Г. Гегеля о противостоянии «общества» и «государства». По Гегелю, «гражданское общество есть дифференциация, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства, ибо в качестве дифференциации оно предполагает государство, которое оно, чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное. Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире, который всем определениям идеи предоставляет их право» (Гегель, 1990, с. 228). Гражданское общество — это общество собственников, где реализуются особенные интересы личности, в то время как государство является общим, политическим понятием, обладающим всей полнотой прав и в этом качестве ограничивающим «особенное». Очевидно, что рабочее, как не обладающий собственностью класс, членами гражданского общества не являются. Однако как социальная группа, противостоящая буржуазии, они находятся и в антагонистических противоречиях с капиталистическим государством. Это третья сила, которая может разрушить и общество, и государство.

Дж. С. Милль попытался решить «рабочий вопрос» через последовательную разработку концепции социал-реформизма. Логичным завершением этого подхода стало «государство благосостояния» А. Пигу. Собственно, уже в 1911 г. в Великобритании появляется система социального страхования. И хотя рабочий вопрос остается в центре внимания вплоть до 1950-х гг., вопрос о вооруженном восстании и переходе к диктатуре пролетариата уходит из повестки дня, в том числе и из программ коммунистических партий в большинстве богатых стран.

Тем не менее важнейшая дихотомия: государство — гражданское общество сохраняется в большинстве работ экономистов, связанных с институциональным анализом. Хотя государство благосостояния остается доминирующей концепцией в политической риторике и макроэкономи-

ческой политике, у экономистов возникает интерес к исследованиям институтов представительной демократии. Й. Шумпетер проводит аналогию между потребительским и политическим (электоральным) выбором, количество поданных голосов за того или иного политика представляет аналог ценности, которой он обладает. Демократия, таким образом, выступает как аналог конкурентного, эффективно работающего товарного рынка (Шумпетер, 1995). Такая реалистическая модель была подвергнута критике политологами: чистая конкуренция в экономике предполагает множество производителей — продавцов, тогда как в политической жизни наблюдается скорее олигополия, а то и вовсе дуополия предложения (Хелд, 2014, с. 236–261). В этом случае ценность товара — политического лидера — будет сильно завышаться с одновременным ухудшением его качества.

Теория общественного выбора — намного более изощренный подход к анализу политических процессов представительной демократии. Здесь уже появляются и парадокс голосования, и медианный избиратель, и группы интересов, и группы влияния... Из закона, который предназначен для защиты народа от хищной знати, конституция становится документом, регламентирующим производство и распределение общественных благ (Бьюкенен, Таллок. 1997). Таким образом, государство становится своеобразным юридическим лицом сервисной службы: домохозяйства по определенным ставкам оплачивают тарифы этого сервиса (так интерпретируются *налоги*), а взамен получают образование, здравоохранение, общественную безопасность и т.д. Государство, конечно, сохраняет свою экономическую субъектность, однако если в классической теории оно стояло «над» буржуазией, пролетариатом и знатью, то в новом дискурсе теоретики пытаются свести государство-Левиафан «вниз», до положения наемного слуги гражданского общества, укротив его хищническую природу². Опасность для гражданского общества представляет только бюрократия, преследующая собственные интересы. Но эта угроза нейтрализуется с помощью требований транспарентности, ротации государственных служащих и конкуренции за государственный заказ со стороны частного сектора. Собственно, подобный подход к характеристике государственных служб формируется уже в рамках концепции государства благосостояния, поэтому теория общественного выбора представляется естественным продолжением обычного неоклассического анализа (Ореховский, 2011).

² Важным исключением из мейнстрима являются работы анархо-капиталистов: М. Ротбарда и его последователей, для которых государство остается абсолютным злом. В этом варианте предполагается, что общественные блага должны производиться самим гражданским обществом (Ротбард, 2003).

На этом фоне следует отметить два направления исследований, которые не укладываются в приведенную выше сервисную логику. Первое из них связано с теорией «захвата регуляторов» (легального картеля), которая развивается в рамках чикагской школы (Стиглер, 2017). Здесь неявно предполагается, что государство может частично утратить свою субъектность, становясь объектом, которым управляют в своих интересах крупные частные компании. И хотя Дж. Стиглер и его коллеги писали в основном о разделах рынка и регулировании в интересах бизнеса цен и тарифов в разных гражданских секторах, но их аргументация вполне применима и к военно-промышленному комплексу. Последнее, однако, означает уже подчинение общенациональных интересов частным в такой чувствительной сфере, как безопасность и внешняя политика. В рамках теории общественного выбора такое подчинение производства и распределения общественных благ частным интересам выглядит опасной ересью.

Второе направление связано с именем М. Олсона и его теорией коллективного действия, в рамках которой дееспособными оказываются прежде всего малые группы (Олсон, 1995). Здесь тоже государство во многом утрачивает свою субъектность: группы вступают в коалиции, создают искусственный дефицит как условие ренты, которая потом подлежит разделу между участниками соглашения. Следствиями такого процесса являются рост цен и сокращение предложения, на макроэкономическом уровне это стагфляция. После того, как все рынки захвачены и поделены, в таком государстве развивается социальный склероз, не дающий реализоваться инновациям и не пускающий к политической и денежной власти опасных носителей новых идей (Олсон, 2013).

Здесь уже — и это принципиально важно для рассматриваемой темы — государство рассматривается как *состояние социума*. Несмотря на то что состояние это вырожденное — социальный склероз, делающий невозможным гармоничный, сбалансированный экономический рост, дихотомия между обществом и государством у Олсона неявно снимается: государство и общество являются здесь единым целым.

Смена дискурса: структурный кризис 1970-х гг., распад СССР и «Конец истории» Ф. Фукуямы

В 1970-х гг. в связи со скачком цен на нефть вследствие очередного арабо-израильского конфликта началась длительная структурная перестройка экономик богатых западных стран. Последнюю также связывают с научно-технической революцией, компьютерами и переходом к гибкому автоматизированному производству. С. Коткин указывает: «Кроме стремительного экономического спада, нефтяной кризис имел и долговременные последствия. Вся основанная на ископаемом топливе индустри-

альная экономика, которая выросла во второй половине XIX в., а в первой половине XX в. встала на рельсы массового производства, казалось, стремительно приближается к гибели.

В Англии 1970-х гг. Шеффилд и окружающая его промышленная зона потеряли более чем 150 тысяч рабочих мест только в сталелитейной индустрии; еще большие потери были в машиностроении; в результате крупнейшим работодателем Шеффилда стал городской совет. Тогда же “мастерская Германии” — Рурская область со множеством ее сталелитейных заводов — лишилась 100 тысяч рабочих мест...

В 1970-е гг. в США закрылось более тысячи заводов... И хотя в середине 1980-х гг. индустрия Среднего Запада вновь начала расти, занятость уже никогда не достигала здесь прежнего уровня» (Коткин, 2018, с. 20–22).

Часть промышленных предприятий из США и Западной Европы перенесли свои производства в КНР, воспользовавшись новыми китайскими свободными экономическими зонами и дешевой местной рабочей силой. Часть устаревших производств в США была ликвидирована. Большое сокращение произошло в угольной промышленности, которая во время «индустриального общества», наряду с металлургией и машиностроением, предоставляла рабочие места наиболее боевитой части рабочего класса. В связи с этим «рабочий вопрос», решение которого требовало «классового мира» и создания государства благосостояния, перестал иметь какое-либо политическое значение. Промышленные рабочие, как и фермеры, стали представлять сравнительно небольшую группу электората богатых «постиндустриальных» стран. Это существенно поменяло политический ландшафт.

Стагфляция 1970-х гг., которая вдохновила М. Олсона на описание картины «социального склероза», одновременно означала крах прежней кейнсианской политики. Монетаризм М. Фридмена и экономика предложения А. Лаффера стали новыми респектабельными концепциями. В США начались налоговые реформы. При этом переход от концепции «государства благосостояния» к тому, что стали называть «неолиберализмом», был быстрым и непоследовательным. С одной стороны, во многих странах провели налоговые реформы с резким сокращением шкалы прогрессивного налога, осуществили приватизацию большей части предприятий и организаций государственного сектора, а также осуществили либерализацию многих рынков (включая сектор финансовых услуг и банков, что подготовило условия будущего кризиса 2008–2009 гг.). В ряде случаев это привело к существенному снижению цен при одновременном росте качества товаров и услуг. С другой стороны, сохранилось большинство социальных программ поддержки для ряда групп населения. Кроме того, несмотря на призывы к оздоровлению государственных финансов, США и многие другие западные страны продолжали принимать дефицит-

ные бюджеты и наращивать государственный долг³. Такую либерализацию и приватизацию никак нельзя сравнивать с мерами «шоковой терапии», которая имела место в Польше и России.

Деиндустриализация привела к появлению большого количества «социальных инвалидов», которых в XXI в. станут называть «прекариатом». Партии были заинтересованы в голосах бедных слоев населения, составляющих существенную часть электората, поэтому основная часть социальных затрат оставалась неизменной. Как результат, на фоне постепенного падения удельного веса «среднего класса» влияние самых разных социальных меньшинств стало постепенно увеличиваться.

В 1990-х гг. в богатых странах исчезает устойчивое политическое большинство, которое придавало стабильность западным демократиям, вместо этого начинают формироваться различные коалиции меньшинств, обеспечивающие ситуационное большинство по тем или иным вопросам. Но этот сдвиг оставался почти незамеченным на фоне важнейшего геополитического события — распада СССР и краха советской модели «прямой демократии» (Хелд, 2014, с. 184–205).

Это событие было воспринято как окончание длительной идеологической борьбы вокруг наиболее эффективного и справедливого политического устройства. Ф. Фукуяма с опорой на Гегеля привел развернутое диалектическое доказательство тезиса «конца истории». «Первый человек», которого описывает Т. Гоббс в рамках своего политического анализа, располагает только правами на свою безопасность и сохранность имущества. Государству-Левияфану, напротив, принадлежат все остальные права, включая права оспаривания, свободы передвижения, заключения контрактов и т.д. Постепенно, в ходе развития демократического процесса, права государства становятся все меньше, а права отдельной политической личности — все больше. Наконец, «последний человек» обладает всей полнотой прав, в то время как государство превращается в «сервильный пролетариат», единственным правом которого является служба либеральному индивиду (Фукуяма, 2010).

Книга (а сначала статья) Ф. Фукуямы, принятая достаточно доброжелательно в 1990-е гг., впоследствии подверглась жесткой критике. В настоящее время про «конец истории» обычно говорят исключительно с сарказмом. На мой взгляд, это результат неверной интерпретации, связанный с буквальным пониманием основных тезисов этой работы. Правильнее же понимать этот текст как исчерпывающую иллюстрацию когнитивного тупика, в которой оказалась либеральная политическая мысль. Если исходить из реальности дихотомии государство — гражданское общество,

³ Стоит оговориться, что в условиях благоприятной конъюнктуры для западных стран в 1990-е гг. и в США, и странах Северной Европы наблюдался профицит бюджета, что и породило большие ожидания во время образования ЕС.

то вершиной политической эволюции, своеобразным венцом прогресса может быть только либеральная демократия. Дальнейшие изменения политических институтов неизбежно будут представлять собой регресс по сравнению с этим идеалом. Такую ревизию режима могут приветствовать враги свободы и цивилизации, враги «открытого общества», если обратиться к определению К. Поппера. Однако, как ни странно, либеральная демократия Ф. Фукуямы во многом совпадает с коммунистической утопией К. Маркса, которую Д. Хелд назвал «концом политики» (Хелд, 2014, с. 184—185). Фукуяма обходит стороной вопрос о собственности, делая акцент на сервисности государства по отношению к индивиду, поэтому гражданское общество у него состоит из свободных личностей, обладающих равными правами. И в коммунистической мечте главным компонентом является такое же общество, которое «не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека» (Энгельс, 1961, с. 305).

Такое совпадение является логичным следствием эгалитарности классического либерализма XIX в., наследниками которого были К. Маркс и Ф. Энгельс и каковым в конце XX в. стал Ф. Фукуяма. Это мировоззрение тогда поддерживалось большинством — средним классом. Последний объединялся вокруг общих стандартов потребления и «традиционных ценностей», включая и религиозные убеждения. Тем не менее в состав этого молчаливого большинства входили самые разные социальные группы, поэтому некоторые исследователи сегодня, задним числом утверждают, что «средний класс» вообще представлял собой идеологический конструкт, призванный смягчить социальные конфликты (Вайс, 2021). Структурный кризис 1970-х гг. способствовал фрагментации и сокращению этой самой большой социальной группы. Трудно сказать, что было первичным — изменение общественного сознания вследствие антибуржуазных, контркультурных бунтов «сердитых шестидесятников», научно-техническая революция или экономический кризис, однако *ценности эгалитарности в 1980-х гг. в богатых странах потеряли свое значение*. Именно этим обусловлены успехи как тэтчеризма, так и рейганомики. В XXI в. различные меньшинства уже требуют для себя «позитивной дискриминации» — получения различных привилегий для того, чтобы они лучше смогли реализовать свой творческий потенциал. Г. Гегель мог бы с удовлетворением констатировать очередную победу своего диалектического метода: если раньше знать требовала сохранения привилегий в силу своего благородного происхождения, то теперь новые многочисленные меньшинства хотят привилегий потому, что до настоящего времени их все время оскорбляли и унижали.

Кризис 2008—2009 гг. привел к тому, что неолиберализм из респектабельной экономической политики превратился в бранное слово. Был сделан вывод о том, что эта политика потерпела крах и должна уйти в прошлое (Крауч, 2012). Однако время шло, а новых концепций государства,

которые приобрели бы легитимность в глазах электората демократических стран, в число которых вошла и Россия, так и не появилось. Критика неолиберализма стала привычной и респектабельной, как и ритуальные призывы вернуть прогрессию подоходного налога и перейти к реализации программ базового безусловного дохода (Пикетти, 2023). Однако до сих пор попыток возврата к государству благосостояния в богатых странах не предпринималось. Что представляется более интересным, государство благосостояния не пытаются построить и страны со средним уровнем дохода — будь то в Восточной Европе, будь то в БРИКС. К. Крауч, рассуждающий в рамках стадияльного подхода, отмечает: «...я был несколько удивлен, когда моя книга была переведена на испанский, хорватский, греческий и корейский... Надо ли считать постдемократию реальным явлением в этих странах?... Если люди ощущали, что с их политическими системами что-то было не так, то были ли это проблемы постдемократии или же это были проблемы самой демократии?

Схожие вопросы возникают и в связи с русским изданием. Разворачиваются ли в этих новых демократиях острые политические конфликты с широким участием масс, которые ограничиваются необходимостью не выходить за пределы демократии? Или они уже перешли к состоянию, когда единая политико-экономическая элита устранилась от активного взаимодействия с народом?... Значит ли это, что страна скатится к постдемократии, так и не узнав, что такое настоящая демократия?» (Крауч, 2010, с. 9—10).

Социальный апартеид и новая политическая экономия

Старый взгляд на государство как субъект в XXI в. стал во многом не адекватен даже в международном праве, где идет дискуссия о суверенитете и вариантах его «расщепления». Еще более неадекватной эта посылка является в отношении описания политико-экономической ситуации, где общество представляет собой калейдоскопическое сочетание меньшинств, образующих коалиции по разным животрепещущим вопросам. В теории общественного выбора права различных социальных групп сохраняются неизменными, а конституция представляет собой порядок производства и распределения общественных благ. В свою очередь, содержанием политики являлась *борьба за структуру и объем производства* последних: часть лоббистов отстаивала интересы «силовых структур», кто-то лоббировал интересы фармацевтических компаний, и т.д. В нынешнем состоянии содержанием политики является *борьба за изменение прав отдельных групп*, а единственным общественным благом признается национальная оборона (да и то в случае вхождения страны в военный блок часть прав и обязанностей по производству этого блага может перекладываться на государства-партнеров). Таким образом, произошел своеобразный возврат

к классическому пониманию политики, где последняя представляла собой борьбу за перераспределение власти. В результате становится востребованной новая политическая экономия, предпосылкой анализа которой является *неоднородность общества, где часть социальных групп находятся между собой в антагонистических отношениях*. В ее рамках теория общественного выбора, как и новая институциональная теория, представляют собой частный случай — здесь есть квалифицированное большинство, «средний класс», что позволяет пренебречь неоднородностью.

Апартеид является наиболее ярким политическим режимом, где законодательно закреплено *неравенство прав* отдельных социальных групп. Говоря об этом общественном устройстве, прежде всего вспоминают о политике расовой сегрегации, которая имела место как в южных штатах США, так и в ЮАР. Такая политика была криминализована в 1973 г., после создания Международного уголовного суда (ООН, 1973). ЮАР подверглась международным санкциям, а апартеид характеризовался как такое же преступление против человечности, как пытки, убийства, изнасилования, депортации и т.д. (следует отметить, что к расовой сегрегации США такое определение, как «преступление против человечности», не применялось). В 1991 г. законы о расовой сегрегации в ЮАР стали отменяться. Официально окончанием режима апартеида считается 1994 г., когда на выборах в Национальную Ассамблею победил Африканский национальный конгресс (АНК), а президентом был избран Н. Мандела.

Стоит отметить, что во время апартеида, в 1960 г. ВВП ЮАР составлял 8,75 млрд долл., в 1994 г. — 153,5 млрд долл. При этом уже с 1989 г. начался период политико-экономической нестабильности. В 2002 г. ВВП ЮАР снизился до 129 млрд долл. (World Bank, 2025), но потом начался период нового быстрого роста, который с определенными перебоями продолжается и сейчас.

Указание на быстрый экономический рост ЮАР в период 1960—1994 гг., естественно, не означает апологетику апартеида. Это свидетельствует о другом важном обстоятельстве — антигуманные политические режимы вполне могут быть экономически эффективными, на что в свое время указали Р. Фогель и С. Энгерман. Как показали их исследования, использование плантационного рабства в южных штатах США способствовало более высоким темпам экономического роста, чем в северных штатах (Fogel, Engerman, 1974). Поэтому рассчитывать на крах аморального апартеида по экономическим причинам, по-видимому, не стоит.

В свою очередь, если говорить о *практиках сегрегации*, которые основаны не на биологическом, а других социальных признаках, то такие практики сохраняются и признаются многими национальными и международными сообществами вполне легитимными. Достаточно указать на известное деление на граждан и неграждан (социальные расы) в постсоветской Прибалтике, отчего-то не привлекающее внимание Международного уго-

ловного суда. При этом стоит отметить, что социальный расизм по отношению к русскоязычным жителям этих республик стал открыто проявляться уже в позднем СССР. Например: «Социальная дифференциация порождается, на мой взгляд, именно маргинализацией. Маргиналы — это деклассированные элементы, это бомжи, это рабочие, не принадлежащие к рабочему классу, это люди, в течение жизни семь-восемь раз меняющие место жительства. Например, так называемое русскоязычное население Эстонии — это в большинстве своем маргиналы, люди, лишенные своих социокультурных корней, перекасти-поле» (Андреев и др., 1990, с. 89). Это высказывание принадлежало В. А. Красильщикову, на тот момент к.э.н., сотруднику Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Впоследствии он сделал блестящую научную карьеру экономиста-международника, защитил докторскую диссертацию и работал до своей смерти в 2019 г. главным научным сотрудником в ИНИОН РАН.

Апартеид интерпретируется здесь как система легального, официального социального расизма (Ореховский, Разумов, 2022). В этом случае сегрегация по биологическому признаку представляется частным случаем более общего подхода. Так, понятие расы широко применялось в XIX — первой половине XX в. Политические философы того времени часто писали о «высших» и «низших» расах, расах «рабов и господ» (Лебон, 2017). Высказывание марксиста Красильщикова не должно удивлять: государство диктатуры пролетариата открыто провозглашало необходимость лишения гражданских прав бывших «эксплуататорских классов»: дворян, крупных собственников (капиталистов), «буржуазной интеллигенции». Впоследствии к ним добавились и зажиточные крестьяне — кулаки. В позднесоветское время социальная сегрегация осуществлялась уже по другим признакам, достаточно напомнить о так называемых «лимитчиках».

Однако в последней трети XX в. само понятие расизма табуируется. Вместо него используется эвфемизм «вертикальная и горизонтальная социальная мобильность». Если степень социальной мобильности высока, можно считать, что практики сегрегации сведены к минимуму, и напротив, низкая социальная мобильность означает, что практики социального расизма получают все большее распространение.

Таким образом, после кризиса 2008—2009 гг. *возврата к государству благосостояния не происходит не потому, что неолиберализм сохраняет свое идейное доминирование.* Проблема, по моему мнению, в другом. Любой политический режим представляет собой законодательное закрепление тех социальных практик, тех институтов, которые уже сложились в обществе. Специфика нынешней ситуации в том, что важную часть таких практик, которые сложились в богатых обществах, пока еще нельзя признать открыто и закрепить законодательно. Приведем несколько известных примеров, в отношении которых у экономистов действует эффект «слепого пятна».

Общественная безопасность. В США, Великобритании, КНР, России и многих других странах количество частных охранников уже превысило количество полицейских (Ореховский, 2024). То, что *раньше считалось общественным благом, теперь во многом превратилось в услугу, которая покупается и продается на рынке.* Уровни безопасности личности и имущества сегментируются в соответствии не только с социальным статусом, но по уровню дохода, и это стало уже привычным, как и «фэйс-контроль» на входе во многие заведения. Использование автотранспорта со спецсигналами в личных целях пока еще вызывает раздражение, как и захват общественного пространства (парковки на тротуарах), но это связано скорее с ситуацией неясности основания привилегий: кому это можно, а кому — нельзя.

Городская среда. Фрагментация городского пространства — очень старый феномен, описанный в известной модели Т. Шеллинга (Shelling, 1978), однако в России этот процесс стал стремительно развиваться в последние два десятилетия. Наряду с кварталами, которые огорожены заборами и пропускной системой, в городах формируются и своеобразные гетто со свободным доступом. При этом, как правило, часть жилья и внутриквартальных сетей в последних достаточно сильно изношена, случаются перебои с подачей воды и энергии, однако плата за предоставляемые услуги в расчете на 1 кв. м такого жилья существенно выше, чем в кварталах с улучшенным благоустройством.

Миграция и гражданство. Статус «трудового мигранта» означает, что из всей совокупности гражданских прав индивид в полной мере обладает только одним — правом на труд, причем в отношении работников, прибывающих для выполнения работы на короткий срок, ограничивается даже право на свободу передвижения. Такое положение не так уж сильно отличается от ситуации плантационного рабства, описанного Р. Фогелем. Напротив, индивид, который обладает двойным или тройным гражданством, иногда с разными именами, обладает существенными преимуществами перед обычным гражданином как с точки зрения обязанностей (включая налоговые) перед своей страной, так и с позиции выбора варианта получения общественных благ в разных юрисдикциях.

Общественное сознание во многих странах пока еще не готово последовать за радикальными либеральными теоретиками, признать право на жизнь и неприкосновенность имущества личным делом каждого гражданина и распустить полицию общественной безопасности. Но в отношении прав частной собственности на городское пространство в отдельных кварталах вопрос представляется уже давно решенным. В настоящее время наиболее ожесточенные дискуссии ведутся в отношении трудовых мигрантов и множественности гражданства.

Идея, при которой бесправные трудовые мигранты будут делать всю тяжелую и неквалифицированную работу, получая скромное вознаграждение

за свой труд, в то время как граждане, составляющие коренное население страны, будут наслаждаться творчеством и заниматься эффективным менеджментом, может разделяться многими социальными группами. Однако такое положение плохо сочетается с либеральной демократией. Во-первых, добавленная ценность, которую создают мигранты, по преимуществу достается собственникам капитала, которые используют их труд. Во-вторых, они оказывают давление на цену труда местных работников в сторону снижения. Наконец, в-третьих, быстро выясняется, что прежняя ситуация «сервильного государства» радикально меняется. Все большая часть общественных благ, производимых за счет бюджетных затрат, достается бывшим и нынешним мигрантам. Что же до обеспеченных и влиятельных социальных групп, то они предпочитают более качественные платные услуги: частные школы, частные клиники, личную охрану, городские кварталы, в которые закрыт доступ посторонним. Фактически государства, которые во все больших масштабах привлекают мигрантов, постепенно осуществляют замещение коренного населения, что в свою очередь меняет и политический ландшафт в такой стране. Естественно, что многие граждане начинают нервно реагировать на размышления экономистов о либерализации международных рынков рабочей силы.

Такая же неопределенная ситуация возникает в случае приема на высокооплачиваемую работу в государственной корпорации индивидов, обладающих множественным гражданством. Конфликт идентичностей в таком случае становится весьма вероятным (хотя и не неизбежным). Законы об иностранных агентах, которые все чаще стали применяться во многих странах, также вызывают политическое напряжение.

Заключение

Инструменты анализа новой политической экономии позволяют выявлять и описывать как практики социальной сегрегации, так и прогнозировать их последствия. Несмотря на то что такие практики, по моему мнению, будут получать все большее распространение, они не будут признаваться социальным расизмом, и уж тем более — частью апартеида. Скорее всего, в законодательстве эти практики будут легализовываться под различными эвфемизмами типа «позитивная дискриминация», «квоты на дефицитную рабочую силу», «социальная жилая застройка» и т. п. Апартеид как правовой режим будет по-прежнему криминализован, а его открытое обсуждение применительно к сложившимся социальным практикам — особенно в богатых странах с демократическими режимами — останется табуированным. Всякий, кто будет говорить об этой теме, надо полагать, окажется виновным в нетолерантности и «риторике вражды».

Естественно, что при этом в мейнстриме еще долго будет сохраняться респектабельная дихотомия государства и гражданского общества (Орехов-

ский, 2015). «Конец истории» — и с этим трудно спорить... Но те, кто все же не согласен с Ф. Фукуямой, будут все чаще обращаться к новой политэкономии, осторожно обходя концепт государства, как субъекта. Как уже говорилось выше, работы Дж. Стиглера и М. Олсона могут быть примером такой исследовательской стратегии. Новая политэкономия — направление в экономической теории, которое, на мой взгляд, ждет большое будущее.

Список литературы

Андреев Э. М., Липкин В. Я., & Поздняков А. А. (ред.) (1990). *Частная собственность, эксплуатация, и социализм*. Материалы «круглого стола». М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Бьюкенен, Дж., & Таллок, У. (1997). Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии. *Бьюкенен Дж. Сочинения*. М.: Таурус Альфа, 31–206.

Вайс, Х. (2021). *Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Гегель, Г. (1990). *Философия права*. М.: Мысль.

Коткин, С. (2018). *Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000*. М.: Новое литературное обозрение.

Крауч, К. (2010). *Постдемократия*. М.: ИД Гос. ун-та Высшей школы экономики.

Крауч, К. (2012). *Странная не-смерть неолиберализма*. М.: Издательский дом Дело РАНХиГС.

Лебон, Г. (2017). *Психология народов и масс*. М.: АСТ.

Маршалл, А. (1993). *Принципы экономической науки*. М.: Прогресс. https://web.archive.org/web/20220401083810id_/http://www.library.fa.ru/files/Marshall.pdf.

Олсон, М. (1995). *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория малых групп*. М.: Фонд экономической инициативы.

Олсон, М. (2013). *Возвышение и упадок народов. Экономический рост, stagflation и социальный склероз*. М.: Новое издательство.

Организация Объединенных Наций (1973). *Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него*. Принята резолюцией 3068 (XXVIII) 30 ноября 1973 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid1973.shtml.

Ореховский, П. А. (2015). Дихотомия «государство — общество» и экономический миф либерализма. *Журнал институциональных исследований*, 7(1), 79–94.

Ореховский, П. (2011). Зрелость социальных институтов и специфика оснований теории общественного выбора. *Вопросы экономики*, 5, 75–86.

Ореховский, П. А. (2024). Охранные услуги: ведущий сектор «новой экономики»? *Journal of Economic Regulation*, 15(2), 93–107. DOI: 10.17835/2078-5429.2024.15.2.093-107.

Ореховский, П. А., & Разумов, В. И. (2022). Скромное обаяние апартеида: обратная сторона нарциссической культуры. *SIBERIAN SOCIUM*, 6(2), 8–23. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-8-23.

Пикетти, Т. (2023). *Краткая история равенства*. М.: АСТ.

Ротбард, М. (2003). *Власть и рынок: Государство и экономика*. Челябинск: Социум.

Стиглер, Дж. (2017). *Гражданин и государство. Эссе о регулировании*. М.: Изд-во Института Гайдара.

- Фукуяма, Ф. (2010). *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ.
- Хелд, Д. (2014). *Модели демократии*. М.: ИД Дело.
- Шумпетер, Й. (1995). *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика.
- Энгельс, Ф. (1961). Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 20. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 5–342.
- Fogel, R., & Engerman, S. (1974). *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery*. 2 Vols. Boston: Little, Brown and Company.
- Shelling, T. C. (1978). *Micromotives and Macrobehaviour*. New York: Norton.
- Word Bank Group. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=ZA>.
- Word Bank Group. (2025). <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=ZA>

References

- Andreev, E. M., Lipkin, V. Ya., & Pozdnyakov, A. A. (eds.) (1990). *Private Property, Exploitation, and Socialism*. Materials of the Round Table. М.: Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU.
- Buchanan, J., & Tullock, W. (1997). The Calculus of Consent. The Logical Foundations of Constitutional Democracy. *Buchanan, J. Works*. М.: Taurus Alpha, 31–206.
- Crouch, K. (2010). *Postdemocracy*. М.: State University — Higher School of Economics.
- Crouch, K. (2012). *The Strange Un-Death of Neoliberalism*. М.: Publishing house Delo RANEP.
- Engels, F. (1961). Anti-Dühring. The Revolution in Science Produced by Herr Eugen Dühring. *Marx K., Engels F. Works*. Vol. 20. 2nd ed. М.: Gospolitizdat, 5–342.
- Fogel, R., & Engerman, S. (1974). *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery*. 2 Vols. Boston: Little, Brown and Company.
- Fukuyama, F. (2010). *The End of History and the Last Man*. М.: AST.
- Hegel, G. (1990). *Philosophy of Law*. М.: Mysl.
- Held, D. (2014). *Models of Democracy*. М.: Delo.
- Kotkin, S. (2018). *Armageddon Averted. The Collapse of the Soviet Union, 1970–2000*. М.: New Literary Observer.
- Lebon, G. (2017). *Psychology of Peoples and Masses*. М.: AST.
- Marshall, A. (1993). *Principles of Economic Science*. М.: Progress. https://web.archive.org/web/20220401083810id_/http://www.library.fa.ru/files/Marshall.pdf.
- Olson, M. (1995). *The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Small Groups*. М.: Economic Initiative Foundation.
- Olson, M. (2013). *The Rise and Decline of Nations. Economic Growth, Stagflation, and Social Sclerosis*. М.: New Publishing House.
- Orehovsky, P. (2011). Maturity of Social Institutions and the Specificity of the Foundations of Public Choice Theory. *Voprosy ekonomiki*, 5, 75–86.
- Orehovsky, P. A. (2024). Security Services: The Leading Sector of the «New Economy»? *Journal of Economic Regulation*, 15(2), 93–107. DOI: 10.17835/2078-5429.2024.15.2.093-107.
- Orehovsky, P. A. (2015). The Dichotomy «State — Society» and the Economic Myth of Liberalism. *Journal of Institutional Studies*, 7(1), 79–94.

Orekhovsky, P. A., & Razumov, V. I. (2022). The Discreet Charm of Apartheid: the Other Side of Narcissistic Culture. *SIBERIAN SOCIUM*, 6(2), 8–23. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-8-23.

Piketty, T. (2023). *A Brief History of Equality*. M.: AST.

Rothbard, M. (2003). *Power and Market: State and Economy*. Chelyabinsk: Socium.

Schumpeter, J. (1995). *Capitalism, Socialism, and Democracy*. M.: Economica.

Shelling T. C. (1978). *Micromotives and Macrobehaviour*. New York: Norton.

Stigler, J. (2017). *Citizen and State. Essay on Regulation*. M.: Gaidar Institute Publishing House.

United Nations (1973). *International Convention on the Suppression and Punishment of the Crime of Apartheid*. Adopted by resolution 3068 (XXVIII) on 30 November 1973. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid1973.shtml

Weiss, H. (2021). *We Were Never the Middle Class. How Social Mobility Misleads Us*. M.: Publishing House of the Higher School of Economics.